

▶ **ЧЕЛОВЕК-ЛЕГЕНДА** | О непростой и трагичной судьбе Авраамия Павловича Завенягина

Начальник Магнитостроя и ММК

Подготовил ВАЛЕРИЙ ЕФИМОВ

Личность А. Завенягина и его деятельность вызывают много споров из-за отсутствия документальных материалов, до сих пор хранящихся в закрытых архивах. Даже в социальных сетях о нём отзываются как о злодее в масштабе государства и как о выдающемся государственном деятеле. Где же истина? О непростом и трагическом времени и роли личности крупного государственного деятеля, дважды Героя Социалистического Труда, начальника Магнитостроя и Магнитогорского металлургического комбината (1933–1936 гг.) Авраамия Павловича Завенягина в истории Магнитки и Норильска размышляет известный журналист Анатолий Львов.

Оbjectивность – понятие субъективное: на одни и те же события можно смотреть с разных точек зрения и каждую называть объективной. Журналист старается использовать архивные документы и факты и поднимает целый пласт нашей малоизвестной истории. В книге «Магнитка. Крепость России», много говорящей об энтузиастах первой пятилетки, есть и горькие факты. На стройке, принятой Завенягиным, трудилось тысячи спецпереселенцев. Но при всех лагерных издевательствах, за колочей проволокой заключённые не жили в землянках и палатках в лютые морозы. Их не подвергали выморозке, как и «закаливанию» в тёплые месяцы от тифа, малярии и оспы. Завенягин не нуждался в похвале потомков.

В любую погоду, даже когда рассчитывать на автомобиль не приходилось – дорога в гору, на руднике появлялся всадник, директор комбината на лошади. Он проверял, организовывал, вдохновлял – стал своим на руднике. Это он умел – пробиться к сердцу, чтобы каждый стрелочник поверил, как много зависит от него. В этом и заключался главный рецепт успеха Завенягина.

В первый год на Магнитке у него, конечно, были ошибки: на большое хозяйство, строительное и металлургическое, его не хватало. Со временем он резко сократил свои визиты на гору, мёртвой хваткой вцепившись в следующее звено стройки. Изредка навещался на электростанцию: его волновало соседство со взрывными работами.

Здесь же, у подножия, в столовой горняков после победной смены встречали с оркестром, цветами и праздничным обедом. Здесь руководил женский совет, где председателем была Мария Никифоровна Завенягина. Жёны и только жёны оборудовали горняцкий клуб и организовали в нём кружки, начиная с танцевального.

В Магнитогорске нашлось тогда немало людей, чернивших Завенягина. Среди «обличителей» не было работников комбината, рабочих основных профессий. Зато сотрудник многотиражки некий Печёнкин доносил: «О Завенягине три раза говорили на пленуме, что он «оброс врагами народа. Всё это говорится, а потом кладётся под сукно. Если бы этот материал был вовремя отослан в

Последняя фотография А. П. Завенягина, 1956 г.

Москву, он не прошёл бы в депутаты Верховного Совета. Я работаю здесь второй год, но дальше разговоров о вредительских методах строительства дело не идет». Припомнили Завенягину и недопустимую «мягкотелость» по отношению к первому секретарю горкома партии Хитарову. С Завенягиным Хитарова сблизил похожий подход к делу, общая опасность и общая беда, недоумение и боль по поводу того, что происходило кругом по указке людей, которым они продолжали верить. Позже Хитарову припишут авторство «гнилой антибольшевистской теории» о том, что в Магнитогорске нет врагов. Это была жизненная установка их обоих, которая спасла сотни людей... Им этого не простили: Хитарова репрессировали и расстреляли, Завенягина спасла почётная ссылка. 1937 год обошёлся Завенягину домашним арестом («просьбой» не покидать квартиру) и ссылкой. Почётной! Но туда, где

полярная ночь была привычной. Его сослали в лагерный посёлок Норильск, 113-й километр на восток по засыпанной снегом узкоколейке, 2028 километров к северу от Красноярска. Ему не запрещались командировки в Москву и Ленинград, проезд в мягком вагоне и перелёты. Оставили документы и право не поселиться в бараке, не гарантировали только жизнь.

8 апреля 1938 года приказом по личному составу НКВД начальником строительства Норильского комбината был назначен Авраамий Павлович Завенягин. Он застал Норильск в обличье не образцовой зимовки – «временного жилья построено полтора десятка домов, люди размещены в крайней тесноте, в обветшалых палатках и фанерных бараках». Начал он с пресечения спекуляции табаком и сахаром. Было дело – подписывал и расстрельные приговоры, но отъявленным бандитам и спекулянтам.

Он знал, что лёгкую работу ему не предложат, да и не был в ней заинтересован, привыкший к тяжёлым заданиям и любивший их. Через полтора месяца был пущен опытный конвертер. С помощью маленькой ручной вагранки горновой Сердаков получил первый металл. За двадцать дней построили к учебному году и школу.

Это были завенягинские темпы, хватка, умение полагаться на единомышленников и разбираться в людях. Начинался отсчёт норильской трёхлетки Завенягина. Ему шёл 38-й год. В новой команде Авраамия Павловича были и старые знакомые по Горной академии, по Магнитке, Ленинграду, Украине: и выпускники институтов и академий, которым поручалось всё первое – от первых проектов до получения первого металла. И, конечно, команда – это все самые нужные и талантливые в каждой отрасли. «От обычной схемы создания новых производств наша отличается тем, что в ней отсутствует элемент времени». Времени у нас нет», – так говорил много позже один из основателей атомной промышленности Завенягин. Главной задачей для него в Норильске стало возведение в очень короткие жёсткие сроки производственных комплексов, причём без особых затрат. Сталин отдал стройку в ведомство НКВД, которая обеспечивала бесплатную рабочую силу. Она постепенно прибывала по этапу. Количество заключённых в Норильском ИТЛ выросло с 8 тысяч в 1938 году до 19,5 к концу 1939-го. Норильлаг, один из крупных островов ГУЛАГа, поставлял и превосходные инженерные кадры. Заслугой Завенягина стало то, что ему удалось поставить лагерное начальство в определённые рамки. Норильлаг отличался относительно лояльным режимом содержания заключённых, чего не было, например, на Колыме или в Воркуте.

Плавку номер один провели на Опытном металлургическом заводе, который размещался в избе, построенной геологами ещё в 1930 году. В углу избы за два дня сложили миниатюрную вагранку. Всё, что нужно, делали вручную. Загружали руду, флюсы и кокс ведрами, поднимаясь по узкой лестнице под самый потолок. Ковши с раствором отодвигали с помощью ручных захватов. Было дымно, душно, как в деревенской кузнице. В такой обстановке плавки продолжались до следующего года, когда вступил в строй

на с т о я щ и й п л а в и л ь н ы й ц е х М а л о г о м е т а л л у р г и ч е с к о г о з а в о д а . Б о л ь ш и н с т в о с п е ц и а л и с т о в п е р е ш л и н а о б с л у ж и в а н и е п р о м ы ш л е н н о й п е ч и – в а т е р ж а к е т а . О с н о в н о й м е т а л л у р г и ч е с к и й з а в о д с т а л о п ы т н ы м м е т а л л у р г и ч е с к и м ц е х о м н о в о г о з a в o d a . У ж е л е т о м 1 9 3 9 г o d a в М о н ч е г о р с к б ы л а o т п р а в л е н а п е р в а я п а р т и я п р o d у к ц и и , б о л е е 2 0 0 т o н н .

Так проходил первый этап развития металлургии в Норильске. Начинался он в первобытных условиях,

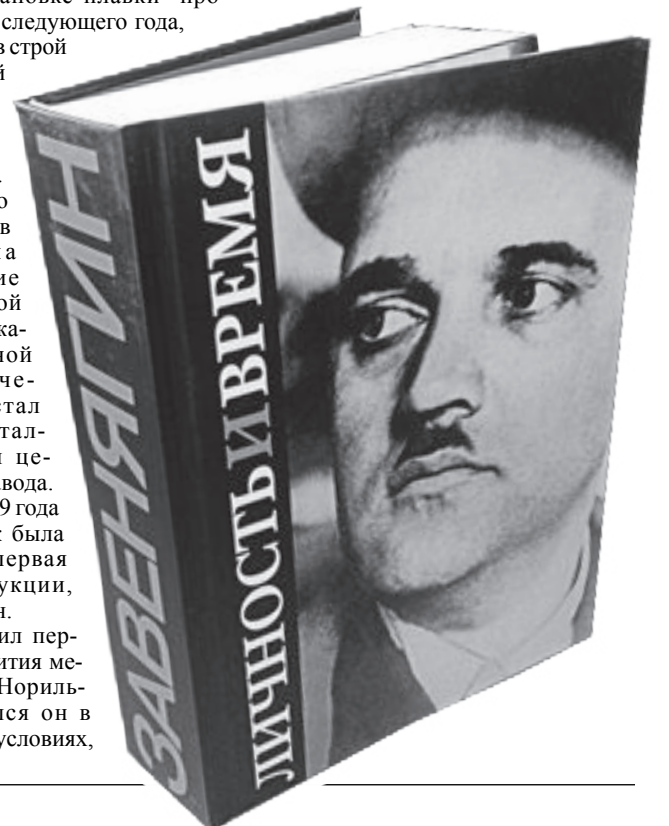
короткое время продолжался на заводе восемнадцатого века и завершился на современном заводе. Это был, вероятно, единственный пример строительства предприятия подобным образом.

Перед отъездом в Норильск Завенягин посетил проектный институт, от которого зависело будущее комбината, и ему стало ясно, что будущий комбинат должен рассчитывать, в основном, на себя. Проектный институт мог оказать очень ограниченную помощь, а ждать её от родственных предприятий не приходилось – завод в Мончегорске только готовился к пуску.

Прибыл в Норильск, Авраамий Павлович уже через шесть дней издал приказ о немедленной организации проектного отдела и Опытного металлургического завода. Отовсюду с общих работ стали собирать специалистов. Никто из них никогда не проектировал никелевых заводов и не работал на подобных предприятиях. Предстояло научиться этому. Завенягин принял единственное в своём роде решение: сделать проект металлургического завода и подготовиться к пуску плавильного цеха ... за полгода. За полгода можно было спроектировать и построить лишь небольшой цех, технически упрощённый, дешёвый. Так появились ОМЗ, а за ним ММЗ, школа проектантов и металлургов. Как мог Завенягин в обстановке 1938 года и в своей собственной ситуации так рисковать, множить число личных врагов, буквально – своевольничать? Он оставался самим собой, не допуская мысли уступить в главном, просчитывая всё, что можно, стараясь не допустить ошибки. Ведь Москве надо было доказать, что дело сдвинулось с мёртвой точки.

Он всё брал на себя. Крупный специалист, коммунист с 1917 года – Авраамий Павлович Завенягин. Впоследствии он руководил строительством таких атомных объектов, как Арзамас-16, Красноярск-26, Челябинск-70, Семипалатинский ядерный полигон. Незадолго до смерти стал заместителем Председателя Совета министров СССР. За всё нужно платить, собственным здоровьем – тоже. Скончался А. П. Завенягин 31 декабря 1956 года. По неофициальной версии, он умер от лучевой болезни, так как регулярно посещал места добычи радиоактивных веществ и ядерные полигоны ☹

На стройке, принятой Завенягиным, трудилось тысячи спецпереселенцев

▶ Многие документы о его деятельности до сих пор хранятся в закрытых архивах